

В ванной комнате Гу Чжисинь сидел в ванне совершенно голый и погрузился в задумчивость.

Сяо Жун наводил порядок с другой стороны, попутно принеся для Гу Чжисиня новую разогретую пиалу каши.

— Войди и подними меня, — донесся голос Гу Чжисиня.

Не прошло и получаса, как он уже успокоился и вновь обрел привычную невозмутимость и спокойствие.

Раз уж Сяо Жун так сильно хочет попробовать себя в роли его диетолога и иглотерапевта, пусть так.

Его ноги были парализованы и полностью лишены чувствительности — что изменится от появления еще одного Сяо Жун?

Неужели какой-то парень, практиковавшийся исключительно на манекенах, действительно сможет заставить его снова встать?

Если сможет, то пусть так — он готов содержать Сяо Жун до конца своих дней!

Перед глазами возникла высокая фигура; Сяо Жун стоял в дверях, излучая природную уверенность.

Раньше Гу Чжисинь заметил, что у Сяо Жун невероятно утонченные и красивые черты лица, но из-за дерзкого поведения парня не стал заглядываться.

Привлекательные мужчины всегда легче завоевывают чужие симпатии.

Гу Чжисинь не был исключением.

В глубине его души таилась неизъяснимая, глубокая тайна, и при виде Сяо Жун он подсознательно избегал этого исключительно привлекательного мужчину.

— На что смотришь? Подними меня, — Гу Чжисинь встретился взглядом с Сяо Жун и тут же отвел глаза.

Его взгляд упал на собственные исхудавшие ноги, и на него накатило чувство неполноценности.

Он управлял Корпорацией Гу долгие годы, и выкованные за это время сила воли и стойкость

были недостижимы для других.

Ни комплекс неполноценности, ни слабость не могли сломить его.

Открыв дверь, Сяо Жун застал картину купания красавца.

Мужчина, который обычно носил строгие костюмы, застегивая пуговицы до самого горла, сейчас сидел в ванне, словно дожидаясь разделки рыба.

На губах Сяо Жун мелькнула легкая улыбка.

Яояо Лю уловил мгновенное веселье хозяина и не удержался от любопытства: [Хозяин, кажется, вы очень рады?]

— Ничего подобного, — Сяо Жун убрал улыбку с губ и выловил хрупкую рыбешку из воды.

Кожа была белой и гладкой.

Гу Чжисинь нахмурился:

— Не думай о лишнем.

— Ладно, — Сяо Жун вынес из ванной насквозь пропитанного свежестью мужчину и усадил прямо на постель. — Помочь тебе одеться?

— Мои руки целы, — снова подчеркнул Гу Чжисинь.

Сяо Жун парировал:

— Раз целы, почему даже нормально не ешь?

Гу Чжисинь замер:

— Я поем чуть позже.

— Назови точное время.

Сяо Жун считал, что с такими генеральными директорами, как Гу Чжисинь, нужно вести себя еще жестче, иначе они начнут давить.

Терпение Гу Чжисиня подвергалось испытанию снова и снова:

— Сейчас, через пять минут, когда я надену брюки, устроит?

Просто поесть, неужели обязательно стоять над душой?

Он зыркнул на парня и заметил, что взгляд Сяо Жун устремлен на его... ноги.

— Ты куда смотришь?! — он подтянул брюки и попытался натянуть их сам, но безуспешно.

Сяо Жун внезапно отступил в сторону, вызвав у Гу Чжисиня секундное удивление, после чего тот снова попытался одеться.

Однако из-за его спины вынырнули две изящные руки, уверенно ухватили за пояс и в одно мгновение до конца натянули брюки.

Гу Чжисинь: «.....»

— И пяти минут не понадобилось, пошли, съешь хотя бы немного целебной каши.

Сяо Жун без лишних слов пересадил его в инвалидное кресло.

Гу Чжисинь сжал кулаки, глубоко вздохнул и подавил желание врезать кому-нибудь.

— К чему такая спешка? С кем-то на свидание собрался? Все твоё время принадлежит мне, — сидя за столом, холодно произнес Гу Чжисинь. — Пока ты нанят мной, тебе нельзя уходить.

— Только что я услышал урчание, — Сяо Жун доброжелательно улыбнулся и неторопливо добавил.

Гу Чжисинь сдержал порыв запустить в него ложкой и вспылil от стыда:

— Тебе слышалось.

Сяо Жун прислонился спиной к столу:

— Мне не слышалось, потому что проголодался я сам.

Гу Чжисинь закусил губу:

— Когда ты займешься моим иглоукалыванием?

Повернувшись, он вперил в Сяо Жун темные глаза:

— Уговор в силе: если с первого раза не будет результата, я тебя выгоню.

— Вот как? — Сяо Жун потер подбородок. — Тогда мне придется постараться и потренироваться побольше на манекене.

Гу Чжисинь уже даже не злился — этот парень был просто бессовестным наглецом!

Молча он зачерпнул ложку каши: вкус оказался нежным и разваристым, в меру сладким и совсем не приторным.

То ли от голода на нервной почве, то ли каша и правда была настолько вкусной, но он в один присест опустошил всю пиалу.

— Я все съел.

Вообще-то Гу Чжисинь не отказался бы от второй порции, но признаваться в этом было стыдно.

Даже генеральным директорам, знаете ли, нужно сохранять лицо.

С самого детства он был отличником и примером для подражания: отец вечно пропадал в Корпорации Гу, а мать рано ушла из жизни.

Гу Чжисинь очень рано научился справляться со множеством вещей самостоятельно.

И хотя внебрачный сын Бай Цзыянь рос на стороне, приемная семья души в нем не чаяла, выполняя практически любые капризы.

Если бы Бай Цзыянь не заявился сам устраиваться поваром в Семью Гу, никто бы случайно не выяснил, что в нем течет кровь Семьи Гу.

Старик Гу Шэнь перед самой смертью ухитрился подложить Гу Чжисиню такую свинью.

Бай Цзыянь, выросший во вседозволенности, не обладал широтой мышления.

Попаданец с тем же именем, переселившийся в тело Бай Цзыяня, обладал Золотым пальцем и не желал оставаться лишь рядовым членом Семьи Гу.

Он метил в хозяева Семьи Гу.

Говорят, богатство затмевает разум.

Попаданец думал, что раз у него есть Золотой палец, он сможет с помощью простейших предметов для повышения показателя симпатии заставить Гу Чжисиня беспрекословно подчиняться.

На людей с твердым характером подобные вещи практически не действовали.

Сяо Жун забрал пустую пиалу вместе с подносом.

Гу Чжисинь: «.....»

Только что он так тонко читал чужие мысли, а теперь молча забрал посуду.

Почему он не предложил принести еще порцию?

Досадно.

— Еще хочешь? — Сяо Жун остановился в дверях и неожиданно обернулся.

Гу Чжисинь чуть не поперхнулся.

Он прикусил губу и постарался принять независимый вид:

— Принеси-ка мне еще одну пиалу.

Наверное, так сказать было нормально?

— Хорошо, господин Гу, — судя по тону, Сяо Жун вел себя как простой наемный работник.

Услышав это, Гу Чжисинь мысленно выдохнул.

Сяо Жун наложил Гу Чжисиню еще каши, а по возвращении заметил шагающего взад-вперед по коридору Бай Цзыяня.

— Молодой господин Бай, вы ведь целыми днями слоняетесь по Семье Гу без дела, неужели вам не нужно на работу? — поинтересовался Сяо Жун.

Бай Цзыянь сжал руки, изображая истовое выражение лица:

— Сейчас здоровье моего старшего брата превыше всего. Без него не будет и Корпорации Гу.

Из-за того, что Гу Шэнь перед смертью не успел официально сменить Бай Цзыяню фамилию, положение того в Семье Гу выглядело несколько двусмысленным.

Однако, покоров кулинарным искусством многих слуг Семьи Гу, он как раз собирался отправиться в Корпорацию Гу, чтобы развернуться там во всю мощь.

И всё из-за Гу Чжисиня: тот проявлял излишнюю бдительность и вечно держал оборону, не позволяя ему выйти на службу в компанию.

Теперь оставалось лишь случайно сталкиваться с акционерами Корпорации Гу, набивать очки симпатии и давить на Гу Чжисиня, вынуждая того поделиться властью.

Сяо Жун кивнул:

— Верно, здоровье генерального директора крайне важно, так что вам лучше не околачиваться здесь без дела.

Бай Цзыянь закусил губу, растерянно глядя на него:

— Ч... что это значит?

— Это значит, что за здоровье генерального директора теперь отвечаю я, и вам лучше не совать сюда свой нос, — зловещим тоном произнес Сяо Жун.

Еще чего не хватало, чтобы из-за него провалилось задание.

Бай Цзыянь разъярился и чуть не вышел из себя:

— Ты...

— Что вы тут устроили? — Гу Чжисинь в инвалидном кресле появился в дверях спальни, переводя взгляд на стоявших друг напротив друга людей.